НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Всякое описание бесполезно.

Так записана на скрижалях одна из заповедей Моисея, которую затем на века *севшие на Моисеевом седалище книжники и фарисеи* по своему разумению расширили и дополнили, и перетолковали так:

> *Дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, птицы крылатой, которая летает под небесами... какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли* (Втор 4:16–18).

И евреи свято чтили эту заповедь, подавив тем самым творческий человеческий потенциал, фантазию, суровыми рамками закона. Иудаизм, пожалуй, единственная в мире религия, обошедшаяся без зримопостигаемых образов божества. В то время как остальной мир развивался по другим законам, человеческий разум одарён был стремлением — увидя, запечатлеть земную красоту и всё, что происходит, для памяти или побуждаемый творческим началом, начиная от дикаря, взявшего в руки острый камень, чтобы высечь на скале изображения убегающих от охотника зверей. Именно в мировых религиях находила выход творческая фантазия, порождая сонмы грозных и весёлых богов, придавая им сходство с животными, как у древних египтян, или воспевая их телесную красоту, как древние эллины.

Поистине, шедевры искусства породила новая религия, захватившая умы и души, религия неба и Царства Небесного. Сикстинская капелла, мадонны Рафаэля, Мария с распростёртым у неё на коленях телом сына — несть им числа.

«Величайшим из всего, что было видано на свете» — назвал восхищавшийся искусством итальянских мастеров Стендаль собор Петра в Ватикане. Храм строился почти 100 лет, если считать от того дня 18 апреля 1506 года, когда папа Юлий II спустился в ров, чтобы заложить первый камень. Его не раз разрушали, сжигали, грабили. Новый план архитектора Браманте был «прост, строг и великолепен». После его смерти папа Лев X назначил руководителем работ того, кто именовал себя Mikelangelo sculptor. Мастеру было тогда 70 лет. Он смотрел на эту свою работу как «на спасение своей души». Но и он не успел закончить ее. Если бы собор был построен по плану Микеланджело, он «занял бы в зодчестве место высшее, чем Аполлон Бельведерский».

«Всякое описание бесполезно».

Великолепный купол собора увенчивался шаром, над которым возвышался крест. «Никогда ни один религиозный символ не приближался так к небу». Этот крест иллюминируют каждый год в день св. Петра. Для этого на шар взбирается «самый смелый рабочий Рима», предварительно на всякий случай исповедавшись.

Последними работами гениального мастера были фрески в капелле св. Павла «Обращение св. Павла» и «Распятие св. Петра».

Словом, как полуиронически замечает автор «Истории живописи в Италии», «если бы апостолы Петр и Павел явились с того света в Ватикан, они спросили бы об имени божества, которому так поклоняются».

Кто был первым?

Потому что полторы тысячи лет назад на месте этого великолепного сооружения расстилался большой пустырь за городской стеной Рима с валявшимися тут и там валунами, искорёженными ветром и временем, на одном из которых сидел человек атлетического сложения с полуседой бородой, расставив кряжистые ноги, а на земле у его сандалий сидел молодой, подняв к старцу лицо и внимая ему.

— Ты ведь видел его?

— Только мельком, рабби, я услышал шум и выбежал, когда его уже схватили воины и вели, а ты устремился туда за ними, я же последовал за тобой, но...

— Зачем ты так зовешь меня: рабби. Так мы звали его. Он был учитель, а я простой рыбак Шимон из Галилеи. Это он сразу меня так назвал, — оживившись, — Кифа. Поглядел на меня, улыбнулся и сказал: «Ты, Шимон, наречёшься отныне мною Кифа». Это, наверно, увидев, какой я из себя крепкий. А это по-нашему «кифа» — камень, скала, а тут вот в Риме по-ихнему стал Петрус. — Помолчав. — Он сразу поверил в меня, поняв простоту и бесхитростность мою, а я... — махнув рукой, ещё помолчав. — И вот его нет, а я хожу по земле, говорю о нём, что помню и как могу. Помнить-то помню, а говорить не мастак, а уж писать — куда там. Это вас там учат теперь всему в ваших иешивах. А из нас грамотные были братья Зеведеевы, а писал только сборщик податей, ну этот, Матфей, такая была его работа записывать, он и ходил завсегда с писалом и пергаментом. А мы что ж... Мы только слушали и помнили и повторяли... А ты вот что, парень, и правда, записывал бы ты за мной, что ли...

— Обязательно, рабби... Позволь мне называть тебя так! К вечеру сяду и всё обязательно запишу... Позволь однако тебе сказать, что когда Моше дал людям устную Тору, то веками передавалось из уст в уста безо всякой записи. Даже был запрет... И чтобы с точностью... Хотя с тех пор много добавили и разъяснили учёные люди, книжники...

— Ну да, ну да, вы молодые, учёные.

Робко Марк:

— Расскажи, расскажи мне, рабби, как всё было, с самого начала!

— С самого начала, говоришь? Помню тот первый день, как будто вчера. Мы с Андрейкой ловили рыбу у нас на озере. А он так себе берегом шел. Я оглянулся, и как шибануло меня: будто то ангел небесный идёт. Волоса длинные по плечам на солнце,

как золото, горят. Глаза голубые в пол-лица, и сам в голубом и глядит так ласково. Остановился, пожелал удачи. А какая там удача, лов никуда был, с утра не задался. А ещё, помню, потом сказал: что вам, дескать, рыбу, пора, говорит, идти ловить человеков. А я не понял тогда, к чему он. Каких таких человеков. А он завсегда так мудрёно говорил, словно сказки рассказывал али побасенки, сразу не поймёшь...

— Притчи... — тихо Марк.

— А только Андрейка сразу его узнал и по имени назвал. Он его узнал, они ещё ходили к тому, первому. Учиться вроде. Андрейка долго к нему ходил и меня звал. А куда мне — жена, детки, кормить надо, тут не до учениев. А он потом ещё мне всё о нем рассказывал, Андрей, о том, первом-то...

— О ком ты говоришь, рабби? Кто был первым?

— А ну да, конечно, вы там у себя в Иерусалиме сидите в своих иешивах, ни о чём не знаете, что делается на миру. А мне Андрейка много о нём рассказывал. Человек тот жил в пустыне. Зимой в шкуре ходил из верблюжьего волоса. Ещё спрашивали о нём, не Илия ли пророк на землю вернулся.

— Илия на огненной колеснице в небо улетел!

— Вот-вот.

— Нам много рассказывали о пророках великих и малых, что жили в земле Израиля. Только с тех пор как пришли эллины, а после них римляне завоевали мир, то уже не было больше слышно у нас голоса пророков...

Tu es petrus et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam tibi dabo claves regni caelorum.

Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречёшься Кифа, что значит „камень” (Пётр). И на сём камне я создам церковь мою и дам тебе ключи Царства Небесного» (Ин 1:42).